

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Идея творения и теория эволюции

Опубликовано:
Христианское чтение. 1881. № 5-6. С. 667-702.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбДА
Санкт-Петербург
2010

Идея творенія и теорія эволюціи.

Современная „*Біологія*“ (такъ называется та обширная область естествознанія, которая изслѣдуетъ происхожденіе и развитіе жизни и живыхъ существъ на земномъ шарѣ) считаетъ 1859 годъ эпохой для себя. 1-го октября означеннаго года вышло въ свѣтъ знаменитое сочиненіе Дарвина „О происхожденіи видовъ путемъ естественнаго подбора“¹⁾, и разомъ опредѣлило дальнѣйшее направленіе біологіи, удерживаемое ею и до настоящаго времени. Направленіе это обозначается словомъ: „*эволюція*“ или въ несовершеннѣй точномъ переводѣ „*развитіе*“. По ученію эволюціонистовъ всѣ органическія формы (растительныя и животныя вмѣстѣ, включая сюда и самого человѣка) произошли по прямой линіи отъ нѣсколькихъ (четырехъ или пяти) простыхъ, до послѣдней степени обобщенныхъ, формъ или, что всего вѣроятнѣе, только отъ одной формы, — произошли чрезъ „процессъ уразноображенія“ (process of differentiation) т. е. чрезъ постепенное насѣданіе многочисленныхъ и мельчайшихъ разностей. Впрочемъ собственно дарвиновская теорія эволюціи вопросъ о первичномъ происхожденіи видовъ оставляла безъ рѣшенія, а занималась разъясненіемъ того, какъ преимущественное насѣданіе и упроченіе разностей способствовало выдѣленію изъ общихъ типовъ типовъ частныхъ и образованію семействъ, поряд-

¹⁾ Англійское заглавіе: „Origin of Species by means of Natural Selection“. Сочиненіе это, выдержавшее уже около десяти англійскихъ и американскихъ изданій, и переведенное на всѣ европейскіе языки, существуетъ и въ русскомъ переводѣ, встать сказать, не особенно точномъ и удобномъ для пониманія.

ковъ и отдѣловъ живыхъ существъ. Она учитъ; что роды и виды животныхъ стремятся въ возрастанію въ сильнѣйшей геометрической прогрессіи; что возрастаніе это задерживается разными неблагоприятными обстоятельствами; что отсюда происходитъ постоянная „борьба за существованіе“, въ которой слабѣйшіе роды гибнутъ, а болѣе сильные или, говоря языкомъ теоріи, „болѣе благопріятствуемые роды“ (favoured races) остаются жить. Это предполагаемое „благопріятствованіе“ состоитъ въ томъ, что извѣстные экземпляры существъ являются въ свѣтъ съ организациею въ нѣкоторыхъ частностяхъ высшею или отличною, чѣмъ организація ихъ собратьевъ, такъ что они владѣютъ нѣкоторыми преимуществами для предстоящей борьбы и вслѣдствіе этого остаются жить, тогда какъ ихъ собратья вымираютъ въ борьбѣ. Все это теорія Дарвина обозначаетъ терминами: „естественный подборъ“ (natural selection) и „завоеваніе жизни способнѣйшими“ (survival of the fittest). Разъ явившись, такая „благопріятствующая разность“ (предполагаетъ теорія) переходитъ къ потомству, которое такимъ образомъ дѣлается нѣсколько болѣе устойчивымъ, чѣмъ вымершій ихъ предокъ; постоянно совершаясь въ теченіи можетъ быть тысячъ или миллионъ поколѣній, это насѣданіе и умноженіе преимуществъ (продолжаетъ теорія) дать бытіе *новымъ* видамъ живыхъ существъ. Каждое новое улучшеніе организаціи ведетъ къ подобнымъ же результатамъ, т. е. къ умноженію новыхъ группъ существъ, которыя чѣмъ дальше, тѣмъ больше должны уклоняться отъ оригинальнаго типа. Вотъ процессъ происхожденія родовъ, видовъ, порядковъ, классовъ живыхъ существъ. Выходить значитъ, что всѣ органическія существа состоятъ въ прямомъ кровномъ родствѣ и различаются только близостью родства, всѣ происходятъ отъ общаго предка и слѣдовательно въ существѣ и въ своей основѣ *однородны* или, точнѣе, *одной природы* (of one nature). Все это произошло и происходитъ безъ „вмѣшательства“ какихъ нибудь другихъ, кромѣ развѣ второстепенныхъ, причинъ т. е. безъ участія Творца.

Дарвинизмъ въ послѣдующемъ своемъ развитіи далеко перешолъ

гѣ предѣлы, какіе онъ имѣлъ у самого творца теоріи, и получилъ широкое приложеніе ко всѣмъ отраслямъ естествознанія. Въ Европѣ онъ теперь извѣстенъ подѣ именемъ *геккелизма*, такъ какъ хотя всѣ основныя положенія заимствованы Геккелемъ у Дарвина, но они въ изложеніи германскаго профессора и его школы получили совсѣмъ другой характеръ—характеръ всеобъемлющей и всеобъясняющей теоріи. Дарвинъ не высказываетъ никакого мнѣнія о происхожденіи самой жизни; Геккель рѣшительно утверждаетъ, что жизнь произошла по естественному закону отъ неорганической матеріи, хотя, мимоходомъ замѣтимъ, не представляетъ для своего утвержденія ничего даже похожаго на доказательства. Дарвинъ подразумѣваетъ и допускаетъ идею *творенія*; Геккель считаетъ подобную идею не стоящею упоминанія и рѣшительно принимаетъ одну только силу во вселенной — механическую. Сила эта управляетъ рѣшительно всѣмъ: и движеніемъ планетъ, и образованіемъ живой матеріи и развитіемъ того, что мы по нашему невѣжеству привыкли называть разумомъ, душою и человѣческою совѣстію. Для Геккеля самыя сложныя органическія и психическія отправления представляютъ не больше трудностей, чѣмъ обыкновенныя механическія явленія. Происхожденіе и развитіе органовъ чувствъ для него столь-же просты и удобообъяснимы, какъ землетрясеніе, вѣтры, морскіе приливы и отливы¹⁾. Всѣ существа, какія мы только знаемъ, „одинаково живы“: противоположности между живой и мертвой матеріей не существуетъ. Паденіе камня на землю, образованіе кристалла „точно такія-же, не большія и не меньшія обнаруженія жизни, какъ прозябаніе и цвѣтеніе растеній, какъ способности животныхъ—размножаться и чувствовать, или какъ понятія и идеи человѣка“²⁾. Эта „монистическая“ философія вполне достаточна для объясненія всевозможныхъ явленій жизни. Все произошло и все совершается только чрезъ механическія причины и не имѣетъ за

¹⁾ «Natürliche Schöpfungsgeschichte», p. 21.

²⁾ Тамъ-же.

собою какихъ нибудь цѣлей: существуютъ только *causae efficientes*, и рѣшительно отсутствуютъ всякія *causae finales*, т. е. какія-бы то ни было цѣли. Вотъ подлинныя слова Геккеля:

«Такой вещи, какъ свобода воли, нѣтъ. Въ свѣтѣ монастической философіи тѣ явленія, которыя обыкновенно считаются свободными и независимыми обпаруженіями человѣческой воли, подчинены столь-же строгимъ законамъ, какъ и всѣ другія явленія природы... Вездѣ въ природѣ есть Духъ, и внѣ природы мы не знаемъ никакого Духа. Человѣкъ стоитъ *внутри* природы, и не *выше* ея... Душа и духъ — это только уразнобразенныя (дифференцированныя) проявленія *силы*, а сила необходимая принадлежность матеріи... Магнитъ притягивающій желѣзо, порохъ производящій взрывъ, паръ движущій машину—все это живыя существа; они дѣйствуютъ живою силою—точь въ точь также, какъ цвѣтокъ «нетронъ меня» (*mimosa*), когда онъ при прикосновеніи къ нему свертываетъ листки, или какъ человѣкъ, когда онъ мыслить»¹⁾.

Подобнаго рода положенія не составляютъ новости для русскихъ читателей, которые не разъ встрѣчали ихъ на страницахъ нѣкоторыхъ толетныхъ русскихъ журналовъ, считающихъ своею задачею знакомить русскую публику съ такъ называемыми „последними словами науки“. Дѣйствительно въ настоящее время дарвиновскій дарвинизмъ есть уже нѣчто отсталое; геккелевскій дарвинизмъ — вотъ модная и самая современная доктрина. Любопытное въ этомъ случаѣ явленіе представляетъ англійскій ученый біологъ Гексли (Huxley), — знаменитость, почти равная Дарвину. До послѣдняго времени, именно до 1874 г., онъ являлся если не противникомъ, то уже никакъ и не сторонникомъ дарвинизма—даже въ тѣхъ умѣренныхъ формахъ, въ какихъ дарвинизмъ излагался у самого Дарвина; онъ говорилъ и писалъ, что дарвиновской теоріи недостаетъ нужныхъ доказательствъ, что напротивъ данныя естествознанія говорятъ больше противъ нея, чѣмъ за нее. Теперь же, когда Геккель довелъ до послѣднихъ крайнихъ предѣловъ гипотезу Дарвина и когда послѣдняя получила наиболѣе угловатыя и отталкивающія

¹⁾ Anthropogenie, гл. XXVI, стр. 707 — 708.

формы, поименованный англійскій профессоръ (занимающій кафедру біологіи въ Королевскомъ институтѣ въ Лондонѣ) на торжественномъ собраніи ex cathedra объявляетъ, что теорія эволюціи не есть болѣе гипотеза, но фактъ, что возраженія противъ нея не стоятъ опроверженія. Бритиковъ этой теоріи Гексли считаетъ лицами, которыя только по упорству продолжаютъ коснѣть въ своемъ невѣжествѣ. Надобно замѣтить, что англійскій профессоръ въ своемъ приговорѣ надъ противниками эволюціи повторяетъ почти буквально сужденія германскаго профессора. Геккель раньше его раздѣлилъ все человѣчество на два класса: на мыслящихъ и безсмысленныхъ, и въ число первыхъ включилъ тѣхъ, которые принимаютъ его теорію, а въ число вторыхъ отрицателей оной, называя кромѣ того послѣднихъ невѣждами и выстарившимися ¹⁾.

Въ что же однако случилось въ послѣдніе десять лѣтъ такого, что заставило почтеннаго англійскаго ученаго переменить свое отношеніе къ теоріи эволюціи и изъ хладнокровнаго критика и скептика обратиться въ яраго ея защитника? Сдѣланы-ли новыя открытія, которыми бы подтверждались сильнѣе прежняго истинность теоріи? — Рѣшительно ни одного. Вопросъ о ней находится и доселѣ въ томъ же самомъ положеніи, какъ десять или даже какъ двадцать лѣтъ назадъ, когда Дарвинъ издалъ свою знаменитую книгу. И теперь, какъ и прежде, въ числѣ противниковъ теоріи стоятъ ²⁾ весьма знаменитые авторитеты въ наукѣ, какъ напримѣръ профессоръ Вирховъ ²⁾ съ цѣлою школою послѣдователей въ Германіи, Мивартъ ³⁾ и Еламъ ⁴⁾ въ Англіи; противударвинистская и проти-

¹⁾ Natürliche Schöpfungsgeschichte, стр. 577, 638. Впрочемъ и Геккель въ этомъ случаѣ только подражатель пресловутаго Бюхнера, который въ предисловіи къ своему сочиненію «Сила и вещество» своихъ критиковъ обозвалъ «умственными лакеями», «умозрительными идиотами» и «лающими дворяшками», а себя провозгласилъ освободителемъ человѣчества отъ тажкихъ и гибельныхъ предразсудковъ.

²⁾ Заглавіе сочиненія Вирхова по этому предмету: «Die Freiheit der Wissenschaft in modernem Staate».

³⁾ Фундаментальное сочиненіе Миварта: «Lessons from Nature».

⁴⁾ Фундаментальное сочиненіе Элама: «Winds of Doctrine».

вугеккеліанская литература не перестаютъ обогащаться новыми вкладами Грудомъ Элама мы уже однажды воспользовались для ознакомленія читателей съ открывшеюся въ 1877 г. въ Германіи реакцію дарвинизму, во главѣ которой выступилъ Вирховъ ¹⁾. Теперь предлагаемъ вниманію читателей въ сокращенномъ (впрочемъ мѣстами и дополненномъ) и упрощенномъ изложеніи его послѣднюю статью противъ эволюціонизма, вызванную переходомъ Гексли въ станъ дарвинистовъ. Умѣтность и даже пользу помѣщенія подобнаго опроверженія въ богословскомъ журналѣ объяснять, кажется, нѣтъ нужды—въ виду распространенія въ нашемъ образованномъ обществѣ дарвинизма и геккелізма.

II. Прежде всего въ дарвиновской теоріи поражаетъ изслѣдователя оной слѣдующее: за исключеніемъ того положенія, что живыя формы въ природѣ стремятся къ возрастанію въ геометрической прогрессіи, всѣ другія положенія гипотезы не находятъ въ явленіяхъ природы никакого подтвержденія себѣ. Въ мірѣ нѣтъ ничего такого, что говорило-бы въ пользу возникновенія и существованія „благопріятствующихъ разностей“ (favorable variation). Мы не знаемъ даже, что для даннаго вида существъ составляетъ или могло-бы составлять такую „благопріятствующую разность“. Самъ Дарвинъ смотритъ на данный терминъ только какъ на попытку ума какииъ-нибудь словомъ обозначить то, что одной живой формѣ бытія даетъ „преимущество“ надъ другою, и прибавляетъ, что „вѣроятно ни въ одномъ единичномъ случаѣ мы не откроемъ, что именно дало данной формѣ успѣхъ предъ другою“ ²⁾. Въ теченіи слишкомъ двадцати лѣтъ, прошедшихъ съ обнародованія дарвиновской теоріи, натуралисты вездѣ искали вразумительныхъ подтвержденій предполагаемымъ ею „благопріятствующимъ разностямъ“, и—не нашли ни одного. Разности эти, рѣвно какъ и „благопріятствуемые роды“ существуютъ только въ воображеніи, и однако, какъ замѣ-

¹⁾ Хр. Чт. 1880 г. часть I. стр. 3—46.

²⁾ Origin of Species, 1 edit. p. 78.

иаетъ Эламъ, современные естествоиспытатели и писатели, говоря о нихъ, разсуждаютъ какъ о чемъ-то дѣйствительно существующемъ, какъ о хорошо извѣстныхъ фактахъ всендневной нашей жизни. „Мы не скажемъ слишкомъ уже рѣшительно, если скажемъ (продолжаетъ Эламъ), что изъ природы мы не знаемъ *ничего* о существованіи какихъ-нибудь „разностей“, которыя дали или могли-бы дать ихъ обладателю преимущество въ предполагаемой „борьбѣ за существованіе“¹⁾.

Но и эта „борьба за существованіе“ тоже въ свою очередь одно только предположеніе, если ее понимать въ смыслѣ усвояемой теоріей, т. е. какъ рядъ событій, результатъ которыхъ зависѣлъ, даже въ самомалѣйшей степени, отъ мелкихъ индивидуальных разностей или особенностей. То фактъ, что безчисленныя міриады живыхъ тварей приходятъ въ бытіе и что большая половина ихъ погибаетъ не развившись. Травяная вошь (aphis) въ теченіи пяти цювольтнй можетъ стать отцомъ 5,904,900,000 индивидуумовъ; и когда эти насѣкомыя пожираются въ цѣлыхъ массахъ божьими коровками и другими ихъ врагами, то никакая мелкая индивидуальная „разность“ или особенность не спасаетъ ихъ отъ гибели. Безпрепятственное и безостановочное размноженіе одной пары сельдей въ немного лѣтъ сдѣлало-бы Атлантическій океанъ непроходимымъ для судовъ; и когда сельдки эти тысячами погибаютъ при одномъ глоткѣ акулъ (balaenoptera), то при этомъ онѣ также мало „борются за свое существованіе“, какъ и трава, когда ее щиплетъ овца. или растительность мѣстности, опустошаемой саранчою. По неписанному закону природы одинъ родъ долженъ умирать, чтобы жилъ другой; этотъ другой въ свою очередь также долженъ служить третьему и т. д. въ общемъ круговоротѣ природы.

Если нѣтъ ни „благопріятствующихъ разностей“, ни „благопріятствуемыхъ родовъ“, то и „естественный подборъ“ есть

- 1) Contemporary Review. 1880. May, pp. 713—740.

только ловкая фраза для обозначенія того, что въ дѣйствительности не существуетъ. Самъ въ себѣ онъ *ничто*; въ приложеніи къ объясненію структуры и отправленій живыхъ существъ представляетъ непримиримыя противорѣчія и несообразности. Будь онъ дѣйствительнымъ дѣятелемъ въ природѣ, непремѣнно должны были-бы обнаружиться два слѣдующихъ результата. Во первыхъ мы должны были-бы видѣть частые, если не постоянные переходы — изъ одного существа въ другое, столь многочисленные и разнообразныя, что, говоря языкомъ самого Дарвина, „всѣ органическія существа смѣшались-бы въ неразпутываемый и неразличимый хаосъ“ ¹⁾. Во вторыхъ мы должны были-бы видѣть медленное и постепенное, но все таки замѣтное улучшение въ видахъ существъ, особенно тѣхъ, которыхъ поколѣнія преемствуютъ другъ другу съ страшною быстротою. Ни того ни другого результата не оказывается.

Въ Силу перваго возраженія въ полномъ ея объемѣ признаетъ и Дарвинъ и входитъ въ длинное и весьма тщательное объясненіе того, *отчего* это указаннаго „хаоса“ не существуетъ и *отчего* „виды существъ все таки являются съ извѣстными, безъ особеннаго труда опредѣляемыми, особенностями“. Дарвинъ говоритъ: „причина отсутствія хаоса въ томъ, что новыя разности образуются крайне медленно — самымъ незамѣтнымъ процессомъ, а естественный подборъ не можетъ начаться, пока не встрѣтитъ для себя благопріятной разности“ ²⁾. Но эти условія, по его же теоріи, *всегда* должны быть на лицо и всегда дѣйствовать: геометрически-пропорціональное размноженіе всегда дѣйствуетъ; умираніе огромнаго количества недѣлимыхъ и переживаніе болѣе благопріятствуемыхъ между ними — тоже всегда въ дѣйствіи; значить, если въ дѣйствіяхъ природы существуетъ постоянная неизмѣняемость, то „естественный подборъ“ долженъ также постоянно дѣйствовать и результаты его должны быть видимы, если не прямо въ образованіи новыхъ видовъ, то по крайней мѣрѣ въ произведеніи пе-

¹⁾ Origin of Species, 5 edit. p. 407.

²⁾ Тамже, p. 178.

реходныхъ типовъ, которые постепенно должны оказываться менѣе плодущими по отношенію къ прародительскому типу и болѣе плодущими между собою (*inter se*), или, при отсутствіи всего этого, въ постепенномъ улучшеніи основнаго типа. Ничего подобнаго не замѣчается на дѣлѣ; характеры родовъ и видовъ существъ абсолютно постоянны. Подобное постоянство, подобная неизмѣнность необъяснимы при предположеніи, что „естественный подборъ“ есть *vera causa*, т. е. дѣйствительно имѣетъ мѣсто въ природѣ.

Но пусть даже онъ существуетъ; все-таки имъ невозможно объяснить множества органовъ и отравленій и прежде всего первыхъ зачатковъ (*rudimenta*) полезныхъ органовъ. Эволюціонисты особенно настаиваютъ на томъ положеніи, что естественный подборъ сохраняетъ и укрѣпляетъ только тѣ мелкія особенности (разности), которыя ихъ обладателю въ состояніи дать большую силу и успѣхъ въ борьбѣ за существованіе. Идеей этой они особенно дорожатъ, а между тѣмъ когда они пытаются приложить ее къ дѣлу, она оказывается мало годною. Мы рѣшительно не въ состояніи понять, какимъ образомъ маленькій прыщикъ на носу могъ бы дать какому-нибудь животному „преимущество“ въ борьбѣ за существованіе, а между тѣмъ именно этимъ маленькимъ прыщикомъ должно было-бы первоначально быть (по теоріи эволюціи) то страшное орудіе, которымъ обладаетъ нынѣшняя пила-рыба. Равнымъ образомъ невозможно понять, чтобы случайно образовавшаяся на кожѣ животнаго сумочка сохранила живучесть ему и цѣлому за нимъ роду, и однакожъ при гипотезѣ естественнаго подбора первоначальная форма характеристическаго органа млекопитающихъ (*mammaria*) должна была-бы быть подобнаго рода случайной сумочкой. Такихъ примѣровъ можно привести тысячи въ подтвержденіе того, что первичныя зародышныя формы органовъ были неспособны къ отравленіямъ и слѣдовательно *безполезны* для ихъ обладателей. Значитъ принципъ, что сохраняются однѣ только *полезныя* особенности, чистая выдумка.

Такіе органы, какъ глазъ или внутренняя часть уха, рѣши-

тельно необъяснимы „естественнымъ подборомъ“. Относительно перваго самъ Дарвинъ выражается такъ: „Предполагать, что глазъ съ его неподражаемыми и сложнѣйшими приспособленіями для зрѣнія на различныхъ разстояніяхъ, для воспріятія свѣта въ различныхъ объемахъ и для собиранія сферическихкихъ и хроматическихкихъ лучей, образовался тоже чрезъ „естественный подборъ“, было-бы, — я въ этомъ охотно сознаюсь, — величайшимъ абсурдомъ“¹⁾. Однако, выразившись такъ сильно, Дарвинъ тѣмъ не менѣе пытается объяснить происхожденіе глаза, но попытка оказалась неудачной. Причина неудачи — *невозможность*. Вслѣдствіе того, что развитіе глаза слагается изъ одновременнаго возрастанія составныхъ его частей — внутреннихъ и вѣшнихъ, этотъ органъ былъ-бы бесполезенъ для обладателя его до тѣхъ поръ, пока вѣшнія и внутреннія части его не встрѣтились-бы уже не только самостоятельно образовавшимися, но и приспособленными другъ къ другу. Такимъ образомъ принципъ сохраненія только полезныхъ мелкихъ разностей рѣшительно неприменимъ къ глазу. Тоже самое (разумѣется съ видоизмѣненными подробностями) должно быть повторено относительно внутренняго уха. Относительно впрочемъ этого послѣдняго Дарвинъ даже и не пытается дать своего объясненія. Докторъ Эламъ въ своей статьѣ высказываетъ полнѣйшую увѣренность въ томъ, что въ настоящее время Дарвинъ не приписываетъ уже „естественному подбору“ той важности, какую приписывалъ прежде, и обращаетъ вниманіе на то обстоятельство, что и профессоръ Гексли въ похвальной рѣчи Дарвину также ни полслова не сказалъ объ „естественномъ подборѣ“ и значитъ не видитъ уже въ этомъ терминѣ особенно цѣннаго открытія.

III. Но принципъ „естественнаго подбора“ все таки составляетъ частность въ теоріи эволюціи и отверженіе этой частности еще не ниспровергаетъ всей теоріи. Эволюціонная гипотеза касается са-

¹⁾ Origin of Species, 5 edit. p. 186.

ныхъ важныхъ вопросовъ бытія и ведетъ къ практическимъ слѣдствіямъ величайшей значимости. Ее нельзя утвердить или опровергнуть одними только авторитетными увѣреніями, удачной фразеологіей или рѣшительнымъ отказомъ разбирать мнѣнія противной стороны. Принятіе или отверженіе ея должны зависѣть отъ *доказательствъ* и только—отъ доказательствъ; и въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ по самой сущности предмета прямыя доказательства невозможны, вопросъ о гипотезѣ долженъ быть рѣшенъ не въ угоду тѣмъ или другимъ предубѣжденіямъ и предразсудкамъ, но согласно съ теорією вѣроятностей и съ законами научной аналогіи.

3) Общій, всеобъемлющій принципъ эволюціонизма, что всѣ живыя существа связаны между собой узами родства и происходятъ отъ одного общаго предка, въ наше время стала ходячею литературною фразою. Гораздо болѣе затрудненной и неясностей представляетъ проведеніе этого общаго принципа чрезъ тѣ частныя ступени, по которымъ проходило развитіе высшихъ формъ изъ низшихъ, и англійскіе натуралисты (Дарвинъ и Гексли) благоразумно уклоняются отъ полнаго и поименнаго перечисленія станцій эволюціоннаго пути. Но для нѣмецкаго профессора—Геккеля сомнительнаго и темнаго не существуетъ. Онъ знаетъ доподлинно, когда явились первыя и простѣйшія живыя существа; какіе фазисы уразноображенія проходили послѣдующіе роды, какія формы имѣли наши предки въ любую изъ эпохъ прошлой исторіи земли. Вся эта странная исторія разсказывается нѣмецкою знаменитостію самымъ нагляднѣйшимъ образомъ, точно какъ будто рѣчь идетъ о событіяхъ прошлой недѣли, происходившихъ на его глазахъ, а не о переворотахъ и процессахъ на землѣ, бывшихъ тысячи, можетъ быть сотни тысячъ лѣтъ назадъ. Для вурьеза приведемъ нѣкоторыя частности.

Первыми предками человѣка, какъ и всѣхъ другихъ организмовъ (разсказываетъ Геккель на 578 страницѣ своей *Natürliche Schöpfungsgeschichte*), были живыя существа самопростѣйшей конструкціи, орга-

низмы безъ органовъ, такъ называемыя въ новѣйшей биологiи (хотя и не существующія замѣнить) *м. неры*. Эти послѣднiя произошли изъ простой неорганической смѣси угля, водорода, кислорода и азота. За доказательствами этого положенiя профессоръ отсылаетъ читателя къ 301 страницѣ поименованнаго сочиненiя, гдѣ дѣйствительно высказано это-же самое положенiе, но опять безъ доказательствъ, за которыми онъ снова отсылаетъ къ другой страницѣ и т. д., пока на одной изъ цитуемыхъ имъ страницъ мы не находимъ, что означенное положенiе должно быть принято какъ фактъ «въ силу крѣчайшихъ (?) общихъ основанiй» (aus den wichtigsten allgemeinen Gründen).

Отъ *монеръ* посредствомъ многочисленныхъ, преемственныхъ и мелкихъ уразнообразенiй, происходившихъ отъ чисто механическихъ причинъ, развились Amœboid, отъ этихъ Planœada, отъ послѣднихъ Gastrœada. Такъ какъ Gastrœada составляютъ очень важный классъ существъ, то онѣ описаны у Геккеля съ головы до ногъ самымъ подробнымъ образомъ. Оказывается однако дальше изъ словъ самого Геккеля, что Gastrœada принадлежать къ миру фантазiи, что ни въ одномъ изъ геологическихъ пластовъ не открыто никакихъ слѣдовъ ихъ существованiя и что онѣ помещены здѣсь профессоромъ только для приданiя симметрiи его теорiи. Отъ этихъ Gastrœada, какъ несомнѣнно доказано (говорить дальше Геккель), пошли два ведикихъ развѣтвленiя животной жизни, — одно дало бытiе животнорастениямъ и паразитамъ, другое огромному царству червей. Авторъ при этомъ замѣчаетъ, что поэты и другiе писатели, часто сравнивая людей съ червями («бѣдный ты», «несчастный ты червь»), и не подозревали всей основательности такого сравненiя, потому что не остается теперь мѣста ни малѣйшему сомнѣнiю, что «отъ червей развились всѣ позвоночныя животныя и что въ этомъ періодѣ нашими прямыми предками были длинныя роды вымершихъ червей».

Для натуралиста, уважающаго указанiя опыта и требованiя разсудка, это производство могло бы представить нѣкоторую трудность. Откуда вдругъ взялись позвоночныя? У червей нѣтъ ничего похожаго на спинной мозгъ, ничего даже зародышнаго въ этомъ родѣ? Нѣмецкому натуралисту это ни почемъ; однимъ почеркомъ пера онъ изобрѣтаетъ промежуточный классъ Chordonia. Но что такое эти хордонiи и откуда они взялись? Онѣ образовались, говоритъ ученый нѣмецъ, изъ червей чрезъ появленiе у нихъ спиннаго мозга (chorda dorsalis¹⁾). Прибавка самая пустая, а

¹⁾ Naturliche Schöpfungsgeschichte, стр. 583.

между тѣмъ она заразъ дала намъ и корень и стволъ для цѣлаго зоологическаго дерева, именно для отдѣла позвоночныхъ! Напрасно кто сталъ бы указывать смѣлому историку жизни земнаго шара, что нѣтъ никакихъ доказательствъ существованія когда нибудь этихъ хордоній, что нѣтъ никакихъ данныхъ для составленія о нихъ какого нибудь понятія. Онѣ существовали, говоритъ онъ, около силуріанскаго періода, — это *несомнѣнно*, потому что иначе рыбы не имѣли-бы (?) для себя предка.

Съ рыбами и ихъ исторію Геккелю справиться было уже не трудно. Нѣкоторое затрудненіе онъ встрѣтилъ, когда дошелъ до земноводныхъ животныхъ (Amphibia) и до перваго появленія половыхъ органовъ въ мірѣ. Но онъ тотчасъ же отодвинулъ затрудненіе, подставивъ здѣсь новый классъ фантастическихъ существъ съ именемъ *Soziga* (или *Schwanzfüßche*). «Онѣ жили, говоритъ онъ, въ періанскомъ и можетъ быть даже въ угольномъ періодѣ; доказательствомъ ихъ существованія служить то, что онѣ составляютъ необходимое посредствующее звѣно между предъидущимъ и послѣдующимъ классами» (*тамъ-же*, стр. 587). Больше объ нихъ ничего неизвѣстно и Геккелю. Не больше извѣстно ему и о преобладающихъ созурь. Здѣсь онъ повидимому счелъ нужнымъ указать общій корень, отъ котораго произошли пресмыкающіяся, птицы и млекопитающія со включеніемъ человѣка, и вотъ отъ созурь онъ производитъ еще новый, тоже существующій только въ фантазіи, классъ *Protamniota*. Происхожденіе ихъ относится у него къ періанскому періоду. Прямо за ними слѣдуетъ новый классъ, «который, по его описанію, давно уже исчезъ и намъ неизвѣстенъ, но отъ котораго произошли всѣ млекопитающія, — названіе его *Protamniatia*» (первомлекопитающія). Затѣмъ уже Геккелю не стояло никакого труда (*на бумагахъ* конечно) показать, какъ естественно и легко отъ протамніотовъ произошли первыя млекопитающія, т. е. произошли *единственно* «черезъ многообразныя улучшенія во внутренней организаціи, чрезъ превращеніе чешуи въ волосы и чрезъ образованіе молочной желѣзы, которая могла-бы отдѣлять молоко для питанія новорожденнаго» (стр. 588).

Послѣ этого Геккель распорядается уже какъ у себя дома («*wird uns heimischer zu Muthe*» — собственное его выраженіе). Онъ достигаетъ животныхъ двуклѣтныхъ (*Marsupialia*), отъ которыхъ въ одномъ направленіи онъ производитъ плотоядныхъ, въ другомъ — китовъ и травоядныхъ, между тѣмъ какъ прямую родословную человѣка ведетъ чрезъ первообезьянъ или полуобезьянъ (*Prosimia, Halbaffen*), чрезъ катарринскихъ обезьянъ, чрезъ человѣкообразныхъ (*Antropoid*) обезьянъ (орангутъ, гиббонъ,

горилла, чимпанзе) и чрезъ послѣднюю стадію предъ человѣкомъ—чрезъ Pithecanthropi (т. е. «первоначальные безсловесные чловѣки»). Объ этихъ непосредственныхъ нашихъ предшественникахъ, которыми подобіе представляютъ современные глухонѣмые, идиоты, кретины, мы узнаемъ отъ Геккеля, что «они жили повидному въ концѣ третичной эпохи» (Anthropogenie, p. 378). Они произошли отъ чловѣкообразныхъ обезьянъ чрезъ утверженіе себя въ постоянно прямое положеніи и чрезъ соответствующее уразноображеніе и приспособленіе переднихъ и заднихъ оконечностей. «Хотя эти обезьяно-люди (Affelmenschen), пишетъ Геккель, уже болѣе антропоидовъ приблизились къ настоящему чловѣку не только во внѣшнихъ формахъ, но и по своему внутреннему духовному развитію (innere Geistesentwicklung), но у нихъ все еще не доставало снціальнаго характеристики чловѣка—раздѣльной рѣчи и вмѣстѣ съ нею развитія высшего самосознанія и воспріятія идей» (Natur... p. 591). Несомнѣнное доказательство того, что намъ предшествовали люди нѣмые, представляетъ по увѣренію Геккеля сравнительная филологія (?!), а геологія представитъ и ископаемые остатки ихъ, когда дно Индійскаго океана опять поднимется и заселится людьми (т. е. когда будутъ на этомъ днѣ произведены раскопки будущими геологами, — долго ждать доказательствъ!). Наконецъ *настоящіе* люди «развились изъ нѣмыхъ постепеннымъ превращеніемъ скотскихъ мычаній въ членораздѣльную рѣчь; рядомъ съ этимъ рука объ руку шло развитіе гортани и мозга. И все это имѣло мѣсто въ ранній четвертичный или дилувіальный (потопный) періодъ, а можетъ быть еще въ позднѣйшую часть третичнаго» (*тамъ-же*). Но такъ какъ по общему призванію сравнительныхъ филологовъ всѣ языки не могутъ произойти отъ одного общаго корня, то Геккель считаетъ нужнымъ оговориться, что было нѣсколько отдѣльных, самостоятельныхъ переходовъ отъ обезьяно-чловѣковъ къ настоящему словесному чловѣку (*тамъ-же*).

Этимъ мы оканчиваемъ изложеніе геккелевской родословной міра. Разбирать серьезно эту необычайную смѣсь дикихъ предположеній, нелѣпныхъ вымысловъ и нахальныхъ увѣреній не стоитъ. Почитатели нѣмецкаго учонаго называютъ его „нѣмецкимъ Дарвиномъ“, а противники „сумасшедшимъ Дарвиномъ“. Мы предпочитаемъ (потому что считаемъ это болѣе полезнымъ) остановить вниманіе на болѣе увѣренныхъ и болѣе повидному удобопріемлемыхъ формахъ дарвинизма, въ какихъ эта теорія является у самого Дарвина и у его новаго союзника Гексли.

IV. Когда известное сочинение не принадлежит къ области поэзіи и претендуетъ на научное достоинство, мы имѣемъ право ожидать отъ него, кромѣ авторитетныхъ увѣреній, чего нибудь похожаго на доказательства или на аргументацію. Если мы съ подобными требованіями обратимся къ эволюціонистамъ, то не мало удивимся, на какихъ слабыхъ и ничтожныхъ фактическихъ данныхъ воздвигнуто ихъ модное ученіе, которое теперь господствуетъ (и вѣроятно долго еще будетъ господствовать) въ области умозрѣнія. Теорія эта провозглашается и превозносится такъ громко и съ такою безграничною увѣренностію, что многіе безъ повѣрки и размысленія принимаютъ ее въ томъ единственномъ, но весьма естественномъ убѣжденіи, что лица столь знаменитыя въ научной области не стали-бы такъ безусловно высказывать свои положенія, еслибы не имѣли для нихъ доказательства. Эти довѣрчивые читатели авторитетовъ забываютъ, что въ исторіи знанія было не мало такихъ случаевъ, гдѣ осторожность и осмотрительность принимающаго уступали самоувѣренности и энергіи проповѣдывающаго ученіе.

Первое, что должно поразить всякаго, кто критически отнесется къ модной теоріи, это—то, что все, что мы съ *какою нибудь вѣрностію* знаемъ относительно органическихъ существъ, все это не даетъ никакой поддержки даже самому умѣренному эволюціонизму. Исторія, наблюденіе и опытъ однаково твердо проповѣдуютъ абсолютное постоянство видовыхъ формъ, — разнообразящихся во второстепенныхъ и несущественныхъ чертахъ почти до безконечности, но никогда не утрачивающихъ *видоваго типа*; видомъ въ этомъ случаѣ называется группа животныхъ, производящихъ потомство, сходное и съ ними самими и съ ихъ предками. Изъ этого правила нѣтъ исключеній, и до сей поры эволюціонисты не указали ни одного. Видъ А безъ различія всегда производитъ недѣлимыхъ вида А; хотя это произведеніе можетъ быть А¹, или А², А³ и т. дальше, но оно неизмѣнно представляетъ *физиологическій* характеръ прародителя А. Итакъ пря-

мага доказательства для теоріи рѣшительно нѣтъ ни одного. Профессоръ Гексли, когда онъ еще стоялъ внѣ стана, дарвинистовъ, училъ, что „единственный путь“, которымъ можетъ быть доказана гипотеза эволюціи, это „путь наблюденія и опытовъ надъ существующими формами жизни“.

Познакомимся нѣсколько подробнѣе съ тогдашними критическими требованіями Гексли по отношенію къ теоріи Дарвина. Это очень поучительно и полезно для уясненія дѣла. Свое тогдашнее положеніе онъ описываетъ такимъ образомъ:

«Намъ слѣдуетъ теперь подвергнуть гипотезу Дарвина испытанію. Съ своей стороны я не имѣю противъ нее никакого предубѣжденія. Если въ ея пользу будутъ достаточныя доказательства, я приму ее во смотря ни на какія теоретическія затрудненія; но *только непременно должны быть доказательства*. Люди науки обладаютъ несчастною привычкою, — нѣтъ впрочемъ, весьма драгоцѣнною привычкою, — не вѣрить ничему, пока имъ не представятъ доказательствъ; мало этого, они смотрятъ на убѣжденіе, не основанное на доказательствахъ, не только какъ на нелогическое, но и какъ на не нравственное (immoral) ¹⁾».

Какихъ-же доказательствъ онъ требовалъ тогда отъ теоріи Дарвина, чтобы согласиться на принятіе ея? Это онъ объяснилъ въ другомъ своемъ сочиненіи. „Удовлетворительно-ли доказано, спрашивалъ онъ, что виды могли произойти чрезъ *подборъ*, что существуетъ такой подборъ, что всѣ явленія, касающіяся видовъ, могутъ быть объяснены подборомъ?“ ²⁾. Въ то время онъ отвѣчалъ на поставленные вопросы *отрицательно*, т. е. что такое происхожденіе видовъ не имѣетъ для себя доказательствъ и что этого недостатка нельзя игнорировать. Это было писано имъ въ 1860 году, — два года спустя послѣ выхода книги Дарвина. Еще два года спустя, говоря о „прогрессивной видоизмѣняемости“ въ ея примѣненіи къ происхожденію видовъ, онъ писалъ: „будь такая гипотеза доказана. — а доказана она можетъ быть единственно пу-

¹⁾ «American Adresses», p. 21.

²⁾ Lay Sermons, p. 234.

тѣмъ наблюденія и опытовъ надъ существующими формами жизни, — заключеніе было-бы очевидно“. Но такихъ доказательствъ онъ тогда не находилъ, — мало этого, находилъ положительныя опроверженія теоріи. Въ той же самой статьѣ онъ писалъ:

«Очевидно, что если древнѣйшія окаменѣлости, доселѣ открытыя геологами, современны началу жизни на землѣ и если онѣ даютъ справедливое понятіе о природѣ и объѣмѣ тогдашняго растительнаго и животнаго царства, то незначительная степень тѣхъ видоизмѣнній, какія съ той поры произошли въ каждой изъ группъ растений и животныхъ, совершенно непротивима съ гипотезою, утверждающею, будто всѣ живые организмы суть результаты необходимаго процесса постепеннаго развитія, начавшагося современно съ первыми и древнѣйшими окаменѣлостями»¹⁾.

Въ Выпускѣ въ 1874 году вторымъ изданіемъ статью, изъ которой мы привели означенныя выдержки, Гексли не поправилъ въ ней ничего, значить и въ этомъ году, всего семь лѣтъ назадъ, онъ по отношенію къ теоріи эволюціи держался тѣхъ-же самыхъ требованій, т. е. чтобы она подтвердила себя *„наблюденіемъ и опытами надъ существующими формами жизни“* и *„только тогда“* предъявляла притязанія на научную состоятельность. Теперь Гексли говоритъ другое, отступившись отъ своихъ прежнихъ въ сущности справедливыхъ требованій по отношенію къ дарвинизму.

Мы можемъ безопасно выказать по отношенію къ разбираемой теоріи большую снисходительность требованій. По гипотезѣ прогрессивной видоизмѣняемости переиѣна видоваго типа можетъ совершиться только крайне медленнымъ процессомъ, такъ что не только немногіе годы жизни даже наиболѣе долговѣчныхъ наблюдателей, но и нѣсколько тысячъ лѣтъ, о которыхъ мы имѣемъ какія нибудь историческія преданія, суть не болѣе какъ моментъ въ сравненіи съ безчисленными тысячами лѣтъ, въ которыя, предполагають, образовывалась земля съ ея обитателями.

Все-таки фактъ, что всѣ наши положительныя и прямыя зна-

¹⁾ Anniversary Address to the Geological Society, 1862.

нія относительно видовъ противорѣчатъ теоріи еволюціи, — остается во всей силѣ. Поэтому еволюціонисты могутъ доказывать свои положенія только посредствомъ умозаключеній. Для своихъ умозаключеній они опираются на слѣдующія три основанія. Во-первыхъ указываютъ на сходства и родственность въ структурѣ и въ отправленіяхъ, замѣчаемыя въ одушевленной природѣ, — что (говорятъ они) необъяснимо при теоріи отдѣльнаго творенія видовъ и можетъ быть понято только при предположеніи одного общаго ихъ происхожденія. Во-вторыхъ они указываютъ на данныя изъ эмбриологіи (науки о происхожденіи и развитіи зародышей), тоже по ихъ мнѣнію необъяснимыя при теоріи творенія и дѣлающіяся ясными, если ихъ разсматривать при свѣтѣ еволюціи. Въ третьихъ они опираются на открытія палеонтологіи и вообще на геологическія показанія, которыя, говорятъ они, раскрываютъ предъ нами преимущество формъ животной структуры, преимущество такую ясную, что было-бы „оскорбленіемъ для здраваго смысла“ пытаться объяснить оную какънибудь иначе, а не теоріей еволюціи.

Прежде, чѣмъ разбирать порознь каждое изъ этихъ трехъ основаній, слѣлаемъ одно общее замѣчаніе. Въ психологическомъ или точнѣе логическомъ отношеніи весьма интересна въ этихъ утвержденіяхъ еволюціонистовъ та особенность, что ими признается невозможнымъ для Безконечной Мудрости (которая, по идеѣ Творенія, создала все и управляетъ міромъ) то, что считается ими яснымъ и понятнымъ какъ результатъ слѣпаго случая или дѣятельности однихъ только механическихъ причинъ. „Великій фактъ группировки органическихъ существъ, восклицаетъ Дарвинъ, для меня рѣшительно необъяснимъ при теоріи творенія!“¹⁾ трудно понять, почему же „необъяснимъ“, если только Дарвинъ не предполагаетъ, что Безконечный Разумъ „не могъ придумать“ (а безграничный рядъ случайностей, по его теоріи, могъ однако совершить?) „плана классификаціи тварей, способнаго возбуждать уди-

¹⁾ Origin of Species, стр. 471.

явленіе наблюдателей“. И въ другомъ мѣстѣ онъ пишетъ: „Зачѣмъ это мозгъ заключенъ въ ящикъ (черепъ), составленный изъ столь многочисленныхъ и столь удивительно пригнанныхъ другъ къ другу частичекъ кости? Какъ эти факты объяснить обыкновенною теорією творенія“¹⁾? (Еще больше запутанности въ мысляхъ *Л. С.* представляеть то мѣсто въ книгѣ Дарвина, гдѣ онъ касается существованія такихъ органовъ у животныхъ, которые „носятъ на себѣ ясную печать *безполезности*“. „Всѣ такіе органы рѣшительно необъяснимы, говоритъ онъ, если каждое органическое существо считать отдѣльно сотвореннымъ; но при теоріи естественнаго подбора они являются лишь обнаруженіями процесса уразнображенія, который такъ ясенъ“²⁾). Въ другихъ словахъ это значитъ: Безконечная Мудрость, дѣйствующая въ природѣ хотя часто и таинственно для насъ, не могла-бы создать *явно безполезнаго* органа; но существованіе подобныхъ органовъ тотчасъ-же станеть яснымъ и понятнымъ для насъ при другой гипотезѣ—при гипотезѣ „естественнаго подбора“, которая однако всею своею тяжестію опирается именно на предполагаемомъ ею выдѣленіи и сохраненіи однѣхъ только „полезныхъ особенностей“ или однихъ только нужныхъ животному органовъ.

Л. С. Подобно Дарвину и Гексли не упускаеть въ послѣднихъ своихъ сочиненіяхъ ни одного случая, чтобы не обратиться къ своимъ читателямъ и слушателямъ съ увѣреніями, что только теорія эволюціи можетъ объяснить намъ геологическія открытія, и съ крайнимъ презрѣніемъ и негодованіемъ относится къ идеѣ творенія и ко всякому внѣшнему вмѣшательству въ порядокъ природы³⁾. Онъ указываетъ, что крокодилы мѣловаго періода различны нѣсколько отъ крокодиловъ ранняго третичнаго, эти послѣдніе различаются отъ крокодиловъ поздняго третичнаго, и наконецъ эти

¹⁾ Origin of species, стр. 436.

²⁾ Тамъ же, стр. 480.

³⁾ American Addresses, p. 2.

опять не совершенно сходны съ существующими теперь ¹⁾. Онъ въ еоценовомъ періодѣ находитъ *орогиппа* (перволосады), въ миоценовомъ *мезогиппа* или *миогиппа*, въ пліоценовомъ—*плиогиппа* или *гиппаріона*, и въ новомъ періодѣ *лошадь*; всѣ они представляютъ, говорить онъ, очень тѣсное родство. \ Онъ находитъ такое же родственное преемство въ ракахъ начиная отъ мезозойческой эпохи до нашихъ временъ. Изложеніе каждаго рода подобныхъ родственниковъ онъ неизмѣнно сопровождаетъ небольшими примѣчаніями въ похвалу теоріи эволюціи и въ униженіе идеи творенія. Вотъ, напримѣръ, какъ онъ заключаетъ свою главу о ракахъ:

«Всѣ эти раки постепенно развились (*evolved*) въ теченіе мезозойческой и послѣдующихъ эпохъ исторіи міра отъ одной первичной формы. По теоріи творенія выходило-бы, что эти многочисленныя преемственно слѣдовавшія формы незначительныхъ животныхъ, различіе которыхъ требуетъ прилежнаго изученія, были отдѣльно и независимо сотворены и помѣщены въ тѣ мѣстности, въ какихъ мы находимъ ихъ. Какимъ бы туманомъ словъ не застилался данный вопросъ, намъ приходится выбирать между этимъ предположеніемъ и теоріей эволюціи; — и такъ всегда по отношенію не къ ракамъ только, но къ каждому животному и растенію, начиная отъ человѣка до послѣдней букашки, отъ широколѣвистаго бука до микроскопическихъ растеньицъ».

Мы съ своей стороны замѣтимъ, что въ приведенномъ примѣчаніи Гексли допущено весьма значительное искаженіе дѣла. Для всякаго, кто захочетъ подумать самъ за себя, вмѣсто того, чтобы увлекаться потокомъ общихъ фразъ, должно едѣлаться яснымъ, что одна теорія не только также примѣнима, но столь-же проста и разумна, какъ и другая, въ дѣлѣ объясненія фактовъ естественной исторіи и палеонтологіи. Если твореніе—въ смыслѣ теоріи—будетъ напередъ признано априорическою невозможностію, на которую ни въ какомъ случаѣ не стоитъ обращать вниманія, то и дѣлу и спору конецъ. \ Но если идея творенія отвергается не а priori, тогда и ей должно быть тоже дозволено принять участіе въ объясненіи происхожденія и развитія существъ и тогда

¹⁾ Lay Sermons, p. 200.

объ эти представляемыя противоположными и исключаящими одна другую теоріи окажутся чуть чуть не тождественными. Если данный „видъ“ А развился наконецъ въ видъ Б, а этотъ послѣ длинныхъ вѣковъ въ видъ В и т. д. до конца алфавита: то это развитіе (evolutio), по условіямъ эволюціонной теоріи, произошло въ силу того, что каждое послѣдующее поколѣніе въ нѣкоторой хотъ степени было лучше приспособлено къ окружающей его тогда средѣ, чѣмъ его предшественники. Теорія эволюціи объясняетъ приобрѣтеніе каждымъ животнымъ своей, настоящей структуры, внѣшняго вида, отправления и мѣста обитанія предположеніемъ, что все это образовалось, какъ наиболѣе соответствующее и приспособленное къ данному животному и другъ къ другу (т. е. структура и внѣшній видъ къ отправлениямъ и мѣстности и наоборотъ) и что индивидуумы и цѣлыя породы, имѣвшія организацию не приспособленную къ окружающей средѣ, напримѣръ къ климату, неизбежно погибали. Въ другихъ словахъ эволюція отдала каждый видъ въ ту форму и помѣстила въ ту обстановку (или мѣстность), которыя были самымъ лучшимъ образомъ приспособлены одна къ другой. Изложенная въ такомъ видѣ основная формула эволюціонной теоріи уже сходится почти съ теоріей творенія: поставьте вмѣсто эволюціи Творца и затѣмъ уже не нужно будетъ выкидывать изъ приведенной формулы ни одного слова, чтобы христіанинъ могъ ее принять.

Что должна-бы говорить палеонтологія, чтобы дать опору эволюціи, и что она на самомъ дѣлѣ говоритъ? „Она должна-бы (какъ честно признаетъ Дарвинъ) раскрыть предъ нами почти безконечное разнообразіе переходныхъ звѣньевъ, которыми связывались нѣкогда близко другъ къ другу стоявшіе виды животныхъ, находящихся въ разныхъ слояхъ одной какой нибудь главной геологической формации. На дѣлѣ геологія не открываетъ никакой подобной постепенно образывавшейся органической цѣпи, и это есть самое наглядное и сильное возраженіе, какое только можетъ

быть сдѣлано, противъ моей теоріи“ ¹⁾). Чтобы ослабить силу возраженія, Дарвинъ прибѣгаетъ къ указанію на современное „несовершенство нашихъ геологическихъ знаній“. Любопытное сопоставленіе! Лайаль (Liel), геологъ столь знаменитый, что онъ до сихъ поръ еще не превзойденъ никѣмъ изъ своихъ собратьевъ по наукѣ, въ этомъ самомъ несовершенствѣ современной геологіи находилъ доказательство противъ теоріи эволюціи. Онъ говоритъ: „мнѣ всегда казалось, что сторонники прогрессивнаго развитія *слишкомъ мало обращаютъ вниманія* на несовершенство геологическихъ данныхъ и что потому огромная половина тѣхъ обобщеній, какія они позволяли себѣ сдѣлать касательно перваго появленія различныхъ классовъ животныхъ, особенно живущихъ на сушѣ, будетъ ими видоизмѣнена или оставлена“ ²⁾). Ожиданія Лайяля пока не оправдываются; напротивъ замѣчается совершенно противоположная наклонность къ обобщеніямъ еще болѣе быстрымъ и рѣшительнымъ. Въ 1862 г. профессоръ Гексли былъ того мнѣнія, что безпристрастное разсмотрѣніе безспорныхъ данныхъ палеонтологіи ведетъ къ *отрицанію* ученія о прогрессивной видоизмѣняемости ³⁾). Въ 1870 году Гексли уже нѣсколько смягчилъ этотъ суровый приговоръ объ эволюціонной доктринѣ; онъ принималъ ее, насколько она касалась безпозвоночныхъ и низшихъ позвоночныхъ животныхъ; относительно же высшихъ позвоночныхъ онъ замѣтилъ тогда, что „результаты новѣйшихъ изслѣдованій, какъ-бы мы ихъ ни поворачивали и ни толковали, не даютъ столь-же яснаго перевѣса въ пользу ученія о происхожденіи живыхъ формъ одной отъ другой“ ⁴⁾). Наконецъ, въ 1877 году онъ провозгласилъ, что эволюція стала безспорнымъ историческимъ фактомъ, и отказался раз навсегда даже отъ разсмотрѣнія какихъ бы то ни было возраженій противъ нее.

¹⁾ Origin of species, 1 edit. pag. 280.

²⁾ Address to the British Association, 1859.

³⁾ Critiques and Addresses, p. 182.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 183.

Съ точки зрѣнія Гексли все это послѣдовательно. Онъ и его школа приступаютъ къ разсмотрѣнiю геологическихъ данныхъ съ напередъ составленнымъ убѣжденiемъ, что идея творенiя видовъ есть „возмущающая нелѣпость“. Ясно, что имъ остается одинъ выборъ—все производить отъ одного общаго родоначальника, всѣ виды выводить изъ одной первичной формы. Для лицъ, приступающихъ къ разсмотрѣнiю тѣхъ-же данныхъ безъ предубѣжденiя противъ идеи творенiя, подобной необходимости не существуетъ. Въ самомъ дѣлѣ, что доказываютъ указываемые профессоромъ Гексли постепенно видоизмѣнявшiеся ряды лошадей, крокодиловъ, раковъ? Они доказываютъ *преемство* сходныхъ (однако въ нѣкоторыхъ отношенiяхъ несходныхъ) формъ; они *намекаютъ* или наводятъ на мысль о происхожденiи отъ общаго предка; и этотъ *намекъ* возбудить сомнѣнiе или будетъ принять за доказательство, смотря по предрасположенiю личнаго ума. Даже допустить, что всѣ эти преемственные формы произошли отъ одного общаго корня, все-таки это обстоятельство не даетъ ничего похожего на рѣшительное доказательство въ пользу ученiя эволюционистовъ.

Возьмемъ примѣръ лошадей, который повидимому Гексли считаетъ особенно доказательнымъ. Нѣтъ нужды входить въ подробное описанiе преемственныхъ формъ, которыя постепенно видоизмѣняясь превратили еоценоваго Орогиппа въ нашу теперешнюю лошадь; достаточно сказать, что геологическiе останки лошади представляютъ дѣйствительно интересный рядъ измѣненiй въ известныхъ частяхъ структуры и всего яснѣе въ ногахъ. Эти измѣненiя, по воззрѣнiю Гексли, указываютъ *на видовую* разницу. Для цѣлей научной классификацiи можетъ быть и полезно видѣть здѣсь особые виды лошади, но съ физиологической точки зрѣнiя здѣсь нѣтъ рѣшительно доказательствъ особенности видовъ,—понимая виды въ строго научномъ смыслѣ, именно какъ группы, которыя постоянно плодущи между собою и рѣдко плодущи съ другими, хотя-бы и близкими группами. Образование ногъ у орогиппа, мезогиппа, гиппарiona и современной лошади дѣйстви-

тельно нѣсколько отлично у каждаго; но есть-ли это различіе видовое, или только различіе породы? Самъ Гексли говоритъ, что боковые пальцы около копытъ у гиппариона могли имѣть только очень малое примѣненіе ¹⁾ или употребленіе. Если такъ, то они, по извѣстному закону неупражнения органовъ, должны были уменьшаться съ каждымъ послѣдующимъ поколѣніемъ и превратиться наконецъ въ одни намеки на бывшій органъ. Важную роль въ этомъ случаѣ могли играть физическія условія, въ которыхъ жило извѣстное животное, такъ что подобныя умаленія и совершенныя даже исчезновенія нѣкоторыхъ частей на оконечностяхъ не производили никакой *физиологической* разницы въ видахъ.

Современная наука слишкомъ еще мало знаетъ о размѣрахъ и характерѣ видоизмѣненій, какія производитъ данная физическая обстановка. Извѣстны лишь нѣкоторые факты, но причины ихъ наукой не опредѣлены. Палласъ рассказываетъ, что у нѣкоторыхъ породъ овецъ въ Центральной Азіи хвоста незамѣтно и вмѣсто него по обѣимъ сторонамъ расположены полубуглые курдюки, выщающіе отъ 20—30 фунтовъ жиру каждый. Эта особенность исчезаетъ чрезъ нѣсколько поколѣній, когда поименованныя животныя попадаютъ въ другой климатъ. Американскій быкъ — потомокъ европейскаго; но въ Буеносъ-Айресѣ онъ сохранилъ рога, тогда какъ въ Мексикѣ утратилъ. Корсиканскую лань одно время считали новымъ видомъ, пока одна изъ нихъ не попала на нѣсколько лѣтъ въ Парижъ и здѣсь постепенно не приняла обычную типическую форму своего класса. Подобнаго-же рода измѣненія, хотя и не особенно важныя, замѣчаются и у обыкновенныхъ собакъ. Нѣкоторыя изъ небольшихъ собакъ имѣютъ на заднихъ лапахъ только по четыре пальца, а нѣкоторыя изъ большихъ по пяти вполне развитыхъ; однако физиологически онѣ одинаково собаки. У нѣкоторыхъ свиней замѣчена слѣдующая важная особенность: на ногѣ третій средній палецъ вполне развитъ и все ко-

¹⁾ American Addresses, p. 81.

пыто представляет одно трехсоставное цѣлое. Это по крайней мѣрѣ столь-же важное видоизмѣненіе, какъ и боковой палецъ на ногѣ гиппаріона, отсутствующій у нынѣшней лошади, и однокожъ свинья съ тремя вполне развитыми пальцами тѣже въ физиологическомъ смыслѣ свинья. Бываютъ быки о тринадцати ребрахъ и съ прибавочными позвонками и все-таки они физиологически — быки.

Эти немногіе примѣры (а ихъ можно набрать множество) во всякомъ случаѣ стоѣтъ вниманія. Особеннаго чего нибудь они конечно не доказываютъ, кромѣ того, что провозглашать громко и догматически извѣстную гипотезу неопровержимо доказанною, провозглашать на основаніи такихъ фактовъ, которые допускаютъ многія другія объясненія, болѣе согласныя съ дѣйствительностію и вѣроятныя, чѣмъ объясненія чрезъ эволюцію, слишкомъ еще рано. Вопросъ все еще остается, какъ говорится, открытымъ ¹⁾.

V. Но геологическія данныя не всё однако темны и неопредѣленны,—есть здѣсь и чисто историческіе факты, которые однако не только не мирятся съ эволюціонной теоріей, а напротивъ рѣшительно disproverгаютъ ее. Преемство формъ жизни на нашей планетѣ по геологическимъ раскопкамъ слѣдовало вовсе не тому порядку, какой устанавливаетъ теорія постепеннаго развитія и улучшенія жизни. Не мелкія и слабыя, не простыя формы явились сначала въ царствѣ рыбъ, моллусковъ, пресмыкающихся и млекопитающихъ. Тѣхъ гигантскихъ рыбъ, какія существовали нѣкогда (въ ранній каменный періодъ), теперь уже нѣтъ; не стало также и страшныхъ по величинѣ пресмыкающихся прежнихъ геологическихъ эпохъ,—наши теперешнія пресмыкающіяся карлики въ сравненіи съ древними; тогдашнія массивнѣйшія млекопитающія пероверлись и древній гигантъ мегатерій „преобразился“ и „улучшился“ къ нашему времени въ скромную форму тихохода. Сна-

Прекрасныя поясненія на это сдѣланы Вирховымъ въ его полемикѣ съ Гамбелемъ (см. Христ. Чт., 1880 г., ч. I, стр. 3—46).

чала всё эти животные явились во всей полнотѣ и силѣ своего развитія; но чѣмъ дальше жили, тѣмъ все меньше и меньше „улучшались“, мало этого, они или совсѣмъ исчезли или, такъ сказать, снизились (degraded), чтобы соблюсти экономію въ силахъ природы, съ прежней степени развитія, уступивъ мѣсто другимъ болѣ скромнымъ своимъ преемникамъ ¹⁾.

Прямой выводъ изъ всего изложеннаго тотъ, что ни исторія, ни наблюденіе, ни опытъ, ни палеонтологія не представляютъ никакой поддержки для доктрины эволюціонистовъ. Отъ опыта особенно ясныхъ доказательствъ конечно странно было-бы и ожидать; тѣмъ не менѣе, если-бы характеры видовъ животныхъ были такъ неустойчивы и переходчивы, какъ утверждаютъ эволюціонисты, мы могли-бы или замѣтить въ природѣ же хоть нѣкоторые намеки на эту неустойчивость или произвести подобныя превращенія посредствомъ искусственнаго подбора. Фактъ крайне поразительный, что между безчисленными миллионами уразнообразеній, по ихъ гипотезѣ непрестанно совершающихся, мы не встрѣчаемъ ни одного съ требуемыми условіями, т. е. не встрѣчаемъ ни одного такого вида органическихъ существъ, который-бы обнаружилъ меньшую склонность къ размноженію въ формѣ первичнаго своего типа и большую въ формѣ другихъ обособившихся отъ первичнаго типовъ. Ни одного такого случая доселѣ не было, а между тѣмъ это необходимо требуется для возможности образованія новаго вида путемъ естественнаго подбора.

Зоологія различаетъ между животными не меньше пяти основныхъ типовъ (Protozoa, Coelentibrata, Mollusca, Annulata, Vertebrata). Мы видѣли выше, въ какія дебри зашелъ профессоръ Геккель, пытаясь произвести всѣхъ животныхъ отъ одного общаго родоначальника и начертать планъ преемства формъ жизни, какъ

¹⁾ Огромное количество замѣчательныхъ примѣровъ этого вырожденія и исчезновенія собрано самимъ профессоромъ Геккелемъ въ его статьѣ «Палеонтологія и эволюція», напечатанной въ его книгѣ съ заглавіемъ: «Critiques and Addresses», 1874 г.

онъ вставлялъ въ свою родословную цѣлѣе классы существъ совершенно вымышленныхъ, говоря о нихъ только то, что эти классы *требуются* для восполненія его теоріи. Остановимся на одномъ наиболѣе разятельномъ по своей несообразности пунктѣ. Связь позвоночныхъ съ низшими классами животнаго міра и трудность происхожденія первыхъ отъ послѣднихъ всегда были серьезнымъ камнемъ преткновенія для эволюціонистовъ. Въ своемъ сочиненіи о „Происхожденіи человѣка“ (Descent of Man) Дарвинъ сравнительно покойно и легко довелъ родословную нашу до рыбъ; но здѣсь представало предъ нимъ затрудненіе: какъ рыбы получили позвоночный столбъ и отсюда онъ въ нихъ развился (evolved)? На этотъ вопросъ онъ отвѣчалъ не раньше, какъ открывъ, что личинки асцидіевъ (безпозвоночныхъ двуполыхъ морскихъ слизняковъ или моллусковъ) представляютъ нѣкоторое сходство съ позвоночными въ устройствѣ и развитіи. На этомъ основаніи Дарвинъ счелъ возможнымъ считать „оправданною свою вѣру въ то, что въ крайній отдаленный періодъ существовала нѣкая группа животныхъ, во многихъ отношеніяхъ походившая на личинки нашихъ современныхъ асцидіевъ, которая распалась на двѣ великихъ отрасли, — одну пошедшую въ развитіи *назадъ* (это уже рѣшительно не вяжется съ теоріею эволюціи!) и породившую настоящій классъ асцидіевъ и другую пошедшую вверхъ животной лѣстницы и давшую бытіе позвоночнымъ“ ¹⁾. Геккелю не понравилась эта робкая, нерѣшительная догадка Дарвина. Когда онъ дошелъ въ своемъ восхожденіи по лѣстницѣ развитія животныхъ формъ до позвоночныхъ, онъ прямо ставитъ черву, надѣляетъ его съ помощію своего пера спиннымъ мозгомъ (chorda dorsalis) на основаніи „механическихъ законовъ“ и, нѣсколько улучшивъ его (конечно на словахъ!), называетъ Chordonia, которая такимъ образомъ становится отцомъ всѣхъ позвоночныхъ и отдаленнымъ родственникомъ, можетъ быть троюроднымъ братомъ, асцидіевъ.

¹⁾ Descent of Man, vol. 1, p. 206.

VI. Предѣлы, журнальной статьи дозволяютъ намъ сдѣлать только весьма краткія замѣчанія о примѣненіи теоріи эволюціи собственно къ человѣку. Для ученія, что человѣкъ происходитъ по прямой линіи отъ обезьяны, *морфологія* ¹⁾ даетъ еще нѣкоторую крайне ограниченную поддержку; *эмбриологія* дѣлаетъ его весьма невѣроятнымъ, а *науки о человѣкѣ* доказываютъ, что подобное происхожденіе чистая невозможность.

Нисколько не задумываясь допускаемъ, что сходство въ существенномъ типѣ между человѣкомъ и нѣкоторыми изъ обезьянъ дѣйствительно сильно, что, говоря языкомъ Гексли, „различія въ устройствѣ, отдѣляющія человѣка отъ гориллы и чимпанзе, не столь велики, какъ различія между гориллой и низшими обезьянами“ ²⁾, и что наконецъ человѣческой организмъ не представляетъ ни одного органа, который *не могъ-бы быть* ³⁾ *наслѣдованъ* имъ отъ обезьянъ. Несмотря на то, есть и разницы и притомъ такія, которыя дѣлаютъ въ высшей степени невѣроятнымъ предположеніе, что человѣкъ есть только высшая обезьяна. Весьма невѣроятно, чтобы гладкокожій человѣкъ произошелъ (по крайней мѣрѣ чрезъ процессъ естественнаго подбора) отъ косматого или волосатого предка; но впрочемъ на этомъ останавливаться много не стоитъ. До нельзя невѣроятно, чтобы ходящее животное произошло отъ ползающаго и карабкающагося, до такой степени невѣроятно, что многіе даже изъ прямыхъ сторонниковъ эволюціонизма видѣли въ этомъ обстоятельствѣ рѣшительное ниспроверженіе „обезьянной теоріи“ и пытались производить человѣка отъ другихъ животныхъ ⁴⁾ Въ высшей степени невозможно, чтобы чело-

¹⁾ Такъ называется наука, изслѣдующая структуру органовъ въ органическихъ созданіяхъ.

²⁾ Man's Place in Nature, p. 103.

³⁾ Геккель выражается впрочемъ иначе, именно: «который не былъ-бы влѣдыванъ отъ обезьянъ». Antropogenie, p. 694.

⁴⁾ Карпфажъ («Human Species», p. 107) говоритъ слѣдующее: «съ точки зрѣнія закона о постоянствѣ и живучести характерности типа... человѣкъ не могъ произойти отъ предка—съ характеромъ обезьяны, точно также, какъ безхво-

вѣкъ, самое безпомощное и наидолѣе остающееся безпомощнымъ среди всѣхъ животныхъ, происходилъ (какъ того требуетъ теорія *прогрессивнаго* развитія) отъ кого нибудь изъ скотовъ ¹⁾. Но можетъ быть самый характерный пунктъ различія въ организмахъ обезьянъ и человѣка представляетъ большой палецъ задней ноги у первыхъ сравнительно съ большимъ пальцемъ на ногахъ человѣка; у первыхъ онъ стоитъ противъ остальныхъ пальцевъ и не расположенъ подрядъ съ ними, какъ у послѣдняго. Важность этого весьма хорошо понимаютъ защитники эволюціи и Геккель самымъ положительнымъ образомъ увѣряетъ, что это не составляетъ принадлежности однѣхъ обезьянъ, и что есть „дикія людскія племена“ у которыхъ большой палецъ на ногахъ точно также, какъ и у обезьянъ, расположенъ не рядомъ, а противъ другихъ пальцевъ“ ²⁾. Противъ такого измышленаго факта мы имѣемъ положительное свидѣтельство знаменитаго и вполне точнаго путешественника Уоллеса (Wallace), который пишетъ:

«Общіе отзывы путешественниковъ касательно огромной цѣпкости ножныхъ пальцевъ у дикихъ приводятся нѣкоторыми натуралистами въ подтвержденіе сходства ихъ съ обезьянами. Но подобный взглядъ основанъ на недоразумѣніи. Дикіе дѣйствительно поднимаютъ предметы ногами, но всегда боковымъ движеніемъ пальцевъ (а не обхватывая ихъ какъ руками); этой способностію и мы въ равной мѣрѣ могли-бы обладать, если-бы никогда не носили саногонъ и чулковъ. Ни у одного дикаго я никогда не замѣтилъ ни малѣйшаго сходства съ противостояніемъ большого ножнаго пальца, замѣчаемымъ у обезьянъ, которое составляетъ ихъ существенную черту; ничего даже хоть мало приближающагося къ такому устройству не замѣчено доселѣ въ структурѣ ногъ вѣншихъ человѣческихъ племенъ» ³⁾.

эта обезьяна не могла-бы произойти отъ обезьяны съ хвостомъ. *Ходящее животное не могло произойти отъ какого нибудь лазящаго.*

¹⁾ Нашъ покойный академикъ Бэръ послѣ многихъ соображеній высказалъ рѣшительное убѣжденіе въ невозможности, чтобы человѣкъ произошелъ отъ обезьяны чрезъ прогрессивное развитіе (*fortschreitende Entwicklung*). Вяртовъ того же самаго мнѣнія (см. Хр. Чит. 1880 г. ч. I, стр. 19).

²⁾ *Nat. Schopf.*, p. 568.

³⁾ *Tropical Nature and other Essays*, pp. 289—90.

Основанія для рѣшенія даннаго вопроса, представляемыя эмбриологіей, слишкомъ уже техническаго характера и потому мы ихъ опускаемъ здѣсь. Одно замѣтимъ: всѣ данныя этой науки подтверждаютъ тотъ главный фактъ, что въ нѣкоторыхъ самыхъ существенныхъ частяхъ порядокъ развитія зародыша обезьяны слѣдуетъ совсѣмъ другому пути, чѣмъ чловѣка. вслѣдствіе чего эмбриологи необходимо и безусловно признаютъ за чловѣкомъ происхожденіе независимое отъ обезьянъ.

Прежде чѣмъ оставимъ разборъ вопроса о плотскомъ родствѣ чловѣка, неизлишне сдѣлать одно замѣчаніе. При той и другой онтологической теоріи, при теоріи отдѣльнаго творенія видовъ и при теоріи эволюціи, одинаково признается фактъ очень близкаго сходства въ строеніи чловѣка и животныхъ. Всѣ натуралисты называютъ чловѣка животнымъ, что-бы они кромѣ того ему ни приписывали и откуда-бы его ни производили,—притомъ такимъ животнымъ, которое совершаетъ болѣе разнообразныя и болѣе сложныя дѣйствія, чѣмъ какое-бы то ни было другое животное. Если животныя устроены или развились вообще сообразно съ типомъ, наиболѣе отвѣчающимъ ихъ спеціальнымъ дѣятельностямъ, то съ логическою необходимостью отсюда слѣдуетъ, что чловѣкъ долженъ быть устроенъ сообразно съ самымъ лучшимъ и высшимъ изъ этихъ типовъ. Онъ самая совершенная изъ машинъ, которая при равныхъ другихъ условіяхъ (*caeteris paribus*) можетъ работать гораздо больше, чѣмъ всякая другая машина (т. е. всякое другое животное).

Переходя спеціально къ наукѣ о чловѣкѣ, мы вступаемъ въ область, въ которой доказательства въ пользу отдѣльной природы чловѣка и слѣдовательно въ пользу его самостоятельнаго происхожденія являются рѣшительными и неопровержимыми. Членораздѣльная рѣчь, сознаніе, разумъ¹⁾, способность мышленія, нрав-

¹⁾ Самъ Гексли говорить: «чловѣкъ есть единственный сознательно-разумный гражданинъ этого міра». См. *Man's Place in Nature*, p. 110.

ственное и религиозное чувство, воспріятіе отвлеченныхъ идей, сознательное хотѣніе: все это показываетъ, что человекъ не *отъ* и не *изъ* скота, что онъ „фундаментально отличается отъ всякаго другаго видимаго нами творенія, что онъ различается абсолютно и знать—и своимъ происхожденіемъ также“ ¹⁾. \ Одиного также человекъ стоитъ въ мірѣ и еще по одной своей особенности — по способности къ непрерывному прогрессу, въ силу которой онъ можетъ пользоваться переходящею къ нему опытностію и знаніями преимущественно слѣдующихъ поколѣній. \ Наконецъ, какъ-бы ни разсуждали разные естествоиспытатели о человѣческомъ организмѣ, всѣ они и въ частности самъ Гексли признаютъ „*неизмѣримое и практически безконечное различіе между человѣческими родами и породами обезьянъ*“ ²⁾. Такое признаніе весьма важно, потому что будетъ-ли органическое различіе структуры человека и обезьяны велико или мало, все-таки оно *конечно*, т. е. имѣетъ границы, между тѣмъ какъ разница въ существѣ „*практически безконечна*“. Самъ собою такимъ образомъ представляется выводъ, что природа или сущность человека не есть только функція или результатъ его организаціи, что въ немъ есть *нѣчто прибавочное*, что не предусмотрено и необъяснимо теоріей „эволюціи“, „подбора“ или „обезьяннаго наслѣдства“. А при этомъ все, что выставляется эволюціонистами относительно органическаго „свойства“ съ обезьянами, теряетъ всякую значимость, и приговоръ ихъ, что человекъ происходитъ отъ обезьяны, является если не *невозможнымъ*, то *недоказаннымъ* ³⁾.

Въ Различія моральной и духовной природы человека отъ природы другихъ животныхъ не опускали изъ виду и эволюціонисты,

¹⁾ Слова англійскаго ученаго Миварта. — Mivarts, Lessons from Nature, p. 190.

²⁾ Слова Гексли изъ его книги: «Man's Place in Nature», p. 109.

³⁾ Изъ англійскихъ писателей особенно сильныя и ясныя доказательства въ пользу спеціального происхожденія человека находятся у Уоллеса въ его сочиненіи «Tropical Nature».

но они отдѣлялись отъ него каждый по своему. Такъ относительно напримѣръ членораздѣльной рѣчи или дара слова Бюхнеръ и его школа смѣло утверждали, что и животныя *имѣютъ* даръ слова. Дарвинъ, съ обычною ему честностью и умѣренностью, признаетъ, что даръ слова—особенность одного человѣка. Гексли соглашается съ Дарвиномъ, но недостатокъ дара слова у животныхъ объясняетъ „нѣкоторыми еще не открытыми особенностями ихъ устройства“. Тоже самое разногласіе мнѣній существуетъ у эволюціонистовъ и относительно нравственнаго чувства въ человѣкѣ. Въ томъ видѣ, въ какомъ эволюціанизмъ является въ обработкѣ Геккеля, онъ ведетъ логически и неизбѣжно къ выводу, котораго Геккель и не старается прикрыть, что такой вещи, какъ *свободная воля*, нѣтъ, что и *нравственнаго чувства* не существуетъ, или, говоря точнѣе, что терминъ „*нравственность*“ не имѣетъ никакого смысла. Мы можемъ имѣть *поведеніе*, и это поведеніе можетъ быть различныхъ степеней превосходства, смотря по тому, насколько оно отвѣчаетъ или удовлетворяетъ постепенно развивающимся социальнымъ нуждамъ; но о нравственности собственно, какъ ее вообще понимаютъ, не можетъ быть и рѣчи. Геккель представляющія при этомъ затрудненія и возраженія рѣшаетъ самымъ немудренымъ способомъ. Послѣ длинныхъ сопоставленій онъ говоритъ: „окончательный результатъ сдѣланныхъ мною сравненій тотъ, что между высшими животными душами (Thier-Seelen) и низшими человѣческими душами существуетъ только небольшое *количественное* и нѣтъ никакого *качественнаго* различія, и что это различіе гораздо менѣе, чѣмъ между высшими и низшими человѣческими душами или между высшими и низшими животными душами“¹⁾. Съ другой стороны школа, представителями которой стоятъ Гексли и Спенсеръ, отвергаетъ въ человѣкѣ особенное наследственное нравственное чувство, то—есть всякое чувство, которое не могло-бы произойти и не происходить

¹⁾ «Nat. Schopf.», p. 652.

пути развития (evolution) отъ болѣ простыхъ понятій, каковы желаніе удовольствія, избѣжаніе боли или страхъ наказанія. Останавливаясь на положеніи Миварта, что „у скотовъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ дѣйствій, напоминающихъ о нравственности, которыхъ нельзя было-бы объяснить страхомъ наказанія, ожиданіемъ удовольствія или личнымъ влеченіемъ“, Гексли говоритъ: „съ равной справедливостью можно утверждать, что и въ дѣйствіяхъ людей нѣтъ ничего такого, чего нельзя было-бы произвести изъ тѣхъ же побужденій; если человекъ дѣлаетъ что-нибудь, онъ дѣлаетъ или потому, что боится быть наказаннымъ, если не сдѣлаетъ, или потому, что надѣется получить удовольствіе, если сдѣлаетъ ¹⁾...“

Для большинства мыслящихъ людей, которые думаютъ, что мы имѣемъ нѣкоторое природное понятіе о правомъ какъ правомъ и о зломъ какъ зломъ,—понятіе, не зависящее отъ представленія послѣдствій, доктрины подобныя вышеизложеннымъ пусть говорятъ сами за себя. Для насъ кромѣ того и невозможно теперь войти въ разсмотрѣніе такого широкаго предмета, какъ природа и происхожденіе нравственнаго чувства; статья и безъ того уже достигла значительныхъ размѣровъ. Къ счастью для современнаго міра, изъ среды эволюціонистовъ явился пророкъ, взявшійся просвѣтить насъ на счетъ источника и сущности человѣческой нравственности. Мы разумѣемъ Герберта Спенсера, который въ прошломъ году издалъ свою нравственную философію подъ заглавіемъ „Данныя этики“ (Data of Ethics), представляющую послѣднее слово эволюціонной доктрины по нравственнымъ вопросамъ. Сочиненіе это вполне заслуживаетъ обстоятельнаго разбора, который мы и обѣщаемъ представить нашимъ читателямъ. А теперь познаноимъ только съ основнымъ характеромъ возрѣвннй знаменитаго англійскаго моралиста и съ причинами, заставившими его послѣдннй изданіемъ нравственной части его философіи.

¹⁾ «Critiques and Adresses», p. 289.

Спенсеръ въ предисловіи въ своей новой книгѣ съ полнѣйшею положительностію заявляетъ, что „нравственныя предписанія утрачиваютъ авторитетъ, принадлежавшій имъ въ силу предполагавшагося священнаго ихъ происхожденія“ ¹⁾. И чтобы не оставить современнаго несчастнаго человѣчества безъ компаса и безъ руля среди бурнаго и темнаго океана сомнѣній и тревоженій, онъ, всегда готовый явиться съ помощію и совѣтомъ, нѣсколько отступилъ отъ предначертаннаго порядка обнародованія своихъ „откровеній“, спѣша совершить „секуляризацию нравственности“ (т. е. отрѣшить ее отъ религій) и чрезъ это удовлетворить „безотлагательной потребности вѣка“. „Нельзя себѣ представить, поясняетъ онъ, какое страшное разстройство произошло-бы, если-бы одна законоположительная система, оказывающаяся болѣе негодною, пала и умерла прежде, чѣмъ образовалась *другая и болѣе приспособленная* для замѣщенія первой“ ²⁾. Недостатокъ этотъ и предназначено восполнить для міра новой книгѣ Спенсера, долженствующей сдѣлаться своего рода евангеліемъ.

Не смотря на такого рода возвышенныя цѣли и широкія задачи, модная книга Спенсера повторяетъ вещи давнымъ давно извѣстныя, и не особенно хитрыя. По его воззрѣнію поведеніе (conduct) и нравственность однозначущи; поведеніе первично слагается изъ дѣйствій, имѣющихъ цѣль, и изъ дѣйствій безцѣльныхъ; послѣднія, какъ напримѣръ „дѣйствія эпилептика во время лихорадочнаго припадка“, Спенсеръ исключаетъ изъ своего понятія поведенія (стр. 5). Поведеніе или дѣйствіе съ цѣлію онъ опредѣляетъ добрымъ или худымъ, сообразно тому, „въ какой мѣрѣ хорошо или худо оно приспособлено къ достиженію данныхъ цѣлей“ (стр. 21). *Добрый* ножъ тотъ, который хорошо рѣжетъ; *добрая* пушка, которая далеко и вѣрно стрѣляетъ. „Наоборотъ, худъ зонтикъ и худы сапоги, если въ нихъ есть несоотвѣтствія

¹⁾ Data of Ethics, pref. p. IV.

²⁾ Тамъ же, таже страница.

ихъ цѣлямъ (стр. 22). Къ приводимымъ Спенсеромъ поясненіямъ своей теоріи нравственности прибавимъ для болѣе разительной ясности примѣры изъ позднѣйшей русской исторіи: покушенія 2 апрѣля, 19 ноября и 5 февраля — *худы*, покушеніе 1 марта *доброе* покушеніе, потому что первыя не удались, послѣднее достигло предполагаемой цѣли. Подобнымъ образомъ съ нравственной точки зрѣнія, усвоенной англійскимъ мыслителемъ, все чловѣческое поведеніе добро или хорошо, когда оно наилучшимъ образомъ приспособлено въ достиженію известной цѣли (стр. 23). Для ознакомленія съ сущностью эволюціонной морали, приведенныхъ выписокъ изъ Спенсера вполне достаточно.

VII. Англійскій ученый Эламъ свой разборъ теоріи эволюціи, который мы передали въ настоящей статьѣ въ сокращенномъ и упрощенномъ видѣ, оканчиваетъ слѣдующимъ выводомъ:

«Въ геометріи есть такія положенія, которыя не принято прямо доказывать и которыя обыкновенно доказываются указаніемъ и объясненіемъ недѣльности противоположныхъ положеній. Подобную же услугу оказали въ самыхъ щедрыхъ размѣрахъ идеѣ творенія представители современнаго эволюціонизма Гексли и Геккель, запутавшіеся въ непроходимомъ лабиринтѣ противорѣчій, несообразностей и невозможностей, при разъясненіи и аргументированіи, противоположной идеѣ творенія, гипотезы естественнаго подбора и происхожденія всѣхъ живыхъ существъ отъ одного общаго предка».

Окончательный судъ Эламъ произносить въ формѣ нижеслѣдующаго силлогизма, обѣ посылки котораго — и большая и меньшая — составляютъ букввальное почти повтореніе тезисовъ, высказанныхъ учеными эволюціонистами:

1. «Теоретическое понятіе, не подтвержденное и не проверенное фактами, есть только вымысль разсудка» ¹⁾.

¹⁾ Положеніе это принадлежитъ англійскому профессору физики Тивдалю. («Fragments of Science», p. 469).

2. «Теорія органической эволюціи есть неподтвержденное и невровѣренное фактами теоретическое понятіе» ¹⁾.

3. «Слѣдовательно органическая эволюція есть только вымысль разсудка».

¹⁾ Положеніе это, хотя и не въ этихъ словахъ, высказано Гексли въ приведенномъ нами выше изъ его книги мѣстѣ, гдѣ онъ говоритъ, что *«только наблюденіе и опытъ надъ существующими формами жизни»* могутъ подтвердить теорію эволюціи, а *«наблюденіе и опытъ»*, равно какъ и факты изъ палеонтологіи и геологіи, не подтверждаютъ ея.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки